

«Посмотрим, кто кого переупрямит...»

«ACT»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

«Посмотрим, кто кого переупрямит...» / «ACT»,

ISBN 978-5-17-093737-0

Надежда Яковлевна Мандельштам (1899–1980) – вдова поэта Осипа Мандельштама, писатель, автор знаменитых на весь мир мемуаров, без которых сейчас невозможно говорить о России XX века, о сталинском времени. Судьба посыпала ей одно испытание за другим: арест мужа, ссылка, его смерть в лагере, бездомность, война, судьба стопятницы, бесконечные кочевые годы... И через все беды – отчаянные попытки спасти архив поэта, спасти СТИХИ, донести их до читателя. И ей это удалось. Книга составлена из переписки Н. Я., воспоминаний о ней, свидетельств, архивных находок. И все вместе – попытка портрета удивительной личности, женщины, которой удалось «переупрямить время».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-093737-0

© ACT

“Милые мои маймишата...”: письма Н. Я. Мандельштам Е. А. Маймину и Т. С. Фисенко

(Публикация и предисловие Е. Дмитриевой-Майминой)⁵⁷⁵

Публикуемые здесь письма (наверное, правильнее было бы их назвать записками) обращены к моим родителям, Евгению Александровичу Маймину и Татьяне Степановне Фисенко, и относятся к периоду между 1964 и 1966 гг., когда Надежда Яковлевна уже покинула Псков, но воспоминания и впечатления о нем еще были живы и ей все же немногого было жаль своих покинутых цепей.

Обстоятельства того, как Н. Я. попала в Псков и стала преподавать английский язык на факультете иностранных языков Псковского педагогического института, достаточно известны⁵⁷⁶. Известна и роль, которую сыграла в этой первой возможности для Н. Я. найти “приличную” работу в краях не столь отдаленных Софья Менделевна Глускина, свояченица И. Д. Амусина, знакомого с Н. Я. еще с довоенных времен. Именно она выступила представительницей в этом деле перед тогдашним ректором института Иваном Васильевичем Ковалевым.

Мой отец всегда впоследствии вспоминал о Ковалеве как о человеке, живо интересовавшемся судьбами других, мужественном и порядочном – качества, как мы хорошо знаем, на столь высоких позициях не столь и частые. Ковалев заинтересовался “слушаю” Н. Я. и сразу же согласился взять ее на свободную вакансию. Добрая ему память! Впрочем, правда и то, что, как говорила сама Н. Я., в те – уже хрущевские – времена сочувствие вдове опального поэта постепенно стало почитаться признаком хорошего тона среди высоких чиновников. Возможно, благодаря именно этому Н. Я. впоследствии получила прописку и купила квартиру в Москве.

Из публикуемых писем хорошо вырисовывается основной круг Псковского общения Н. Я.

Соня – Софья Менделевна Глускина (1917–1997), ученица Б. А. Ларина, лексикограф и диалектолог; она работала на кафедре русского языка Псковского государственного педагогического института с 1948 г., преподавателем была поистине легендарным. На ее лекции по истории старославянского языка ходили, как на увлекательнейший фильм. Впрочем, строгость, требовательность и бескомпромиссность были иной частью связанной с нею студенческой мифологии.

Лариса – Лариса Яковлевна Костючук, ее коллега, ныне доктор филологических наук и профессор той же кафедры⁵⁷⁷.

Лина – Металлина Георгиевна Дюкова, преподаватель (до 1978 г.) философии в Псковском педагогическом институте, единственная в те времена в Пскове, кто, читая лекции по этому скомпрометировавшему себя предмету, требовал от студентов знаний, явно выходящих за пределы конспектов Ленина и Маркса, вряд ли прочитанных. Ее философский, неженский ум Н. Я. высоко ценила.

И, наконец, мои родители: отец, Евгений Александрович Маймин (1921–1997), выпускник филологического факультета Ленинградского университета и ученик Б. М. Эйхенбаума⁵⁷⁸.

⁵⁷⁵ См. ее воспоминания о Н. Я.: *Осип и Надежда*. С. 400–418.

⁵⁷⁶ То был ставший впоследствии знаменитым первый послевоенный курс: среди однокашников отца – Ю. М. Лотман, Л. А. Дмитриев, Н. Б. Томашевский, М. Г. Качурин.

⁵⁷⁷ См. о нем: Вершинина Н. Л. “Безупречный рыцарь” нового времени Александр Николаевич Яхонтов: монография. Псков, 2011.

⁵⁷⁸ В 1944 году Е. А. Маймин получил тяжелое ранение в ногу. После войны рана периодически воспалялась, врачи не могли (или не хотели) найти тому причину, ограничиваясь антибиотиками и переводя его каждый раз в новое отделение, чтобы “не портить статистику”. Позже моей матери (Т. С. Фисенко) удалось договориться с хорошим хирургом, который

В Пскове он оказался после расформирования в 1957 г. Выборгского педагогического института; преподавал в Псковском педагогическом институте на кафедре русской и зарубежной литературы, а с 1965 по 1987 г. был заведующим этой кафедрой.

Моя мама (в письмах Н. Я. она фигурирует как *Таня, Танечка, Танюша*) – Татьяна Степановна Фисенко (род. в 1928 г.), окончившая шведское отделение романо-германского отделения филфака Ленинградского университета. Она преподавала немецкий язык в том же институте.

Сама я в те времена была совсем еще маленькой девочкой и потому мало что помню о происходивших тогда событиях. Помню, правда, как мы навещали с мамой Н. Я. в комнате, которую она снимала в коммунальной квартире в самом начале Октябрьского проспекта. И как в этой комнате постоянно стоял густой дым, казавшийся мне таинственным. Помню, как приезжала к Н. Я. Варвара Викторовна Шкловская и как мы вместе ездили в Изборск.

Но, наверное, самым ярким детским впечатлением была “битва гигантов” – Н. Я. и Леонида Алексеевича Творогова, человека, без которого немыслим Псков того времени. Он был хранителем, а до того создателем Псковского древлехранилища, уникального собрания книг, составленного из библиотек представителей разных сословий Псковского края. То была поистине *библиотека библиотек*, почти в борхесовском понимании. У самого же Творогова позади был Беломорканал и отмороженные ноги. Из-за этого он всегда ходил с костылями и рюкзаком. И еще – в сопровождении двух собак, его единственных и неизменных спутников. В городе его считали чудаком, но и восхищались стариком, имевшим профиль Гёте в старости. Только я думаю, что он был даже еще красив, чем Гёте.

Чудак, как и полагается, имел свои странности. В частности, он очень любил стихи местного поэта А. Н. Яхонтова, считал его несправедливо забытым после смерти, а при жизни – недооцененным⁵⁷⁹. В последнем он винил… А. С. Пушкина. Скора разгорелась в нашей маленькой квартире в хрущевском доме на набережной Великой. “Я Пушкина пиф-паф”, – кричал Творогов, наставив свой костыль на Надежду Яковлевну, пускавшую в него кольца дыма в защиту “солнца нашей поэзии”.

Последние свои Псковские дни, “сдав” съемную комнату хозяевам и в преддверии отъезда в Москву, Н. Я. прожила в нашей квартире, окна которой выходили на тогда еще не взорванный ажурный Ольгинский мост (инженерный проект Г. Н. Соловьева) и Анастасиевскую часовню с фресками по эскизам Н. К. Рериха.

Переписка Н. Я. с родителями, которая поддерживалась в первые ее московские годы, со временем прекратилась. К сожалению, в письмах Н. Я. дат не ставила, изредка – числа, так что с полной уверенностью восстановить хронологический порядок писем невозможно. Да я и не уверена, что сохранились все письма.

Важно подчеркнуть, что с отъездом Н. Я. из Пскова отношения с ней моих родителей не прекратились. Были и телефонные звонки (правда, редкие). Периодически то отец, то мама навещали Н. Я. в Москве. Особенно интенсивным было общение моей мамы с Н. Я. в 1972 г., когда от института на несколько месяцев она была послана на курсы повышения квалификации в Москву. И тогда почти все воскресные дни проводила у Н. Я.

Периодически Н. Я. “присыпалась” в Псков, а это значит, и к моим родителям, гостей. Так появился в Пскове Варлам Шаламов (о его Псковских впечатлениях речь идет в одном из публикуемых здесь писем). Описание Надеждой Яковлевной “Шаламыча” с его причудли-

согласился сделать операцию и прочистить кость. Последнее оказалось спасительным. Именно об этом Н. Я. говорит в данном и последующих письмах.

⁵⁷⁹ См. о нем биографический очерк С. С. Бычкова “Священник Сергий Желудков” в кн.: Желудков Сергий, свящ. *Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания*. 2-е изд. М.: Sam & Sam, 2004. С. 3–29.

вой жестикуляцией и “дикой улыбкой” поразительным образом совпадает с моими ощущениями семи- или восьмилетней девочки. Тогда я испугалась и убежала к бабушке в комнату. И только пapa мне после сказал, что я не в состоянии еще оценить, какого великого человека в тот день увидала.

Порой “присланными” гостями оказывались зарубежные знакомые Н. Я. (Насколько я понимаю – скорее полузнакомые.) Помню двух красивых голландцев, галантно помогавших мне, второкласснице, решить математическую задачу. На самом деле я всегда решала задачи сама, но внимание этих мужчин с “лица необщим выраженьем” и для маленькой девочки было лестно, а потому от их помощи девочка не отказалась.

Визит же этот оказался чреват последствиями… Псков – город маленький. Появление в нем иностранца в 1960-е гг. (а в сущности, и не только в 1960-е) – событие из ряда вон выходящее, тут же приводившее в движение известный механизм. В больших городах всё это тоже было, но не так очевидно. А у нас уже на следующий день в доме появился милиционер и что-то весьма неубедительно бормотал о драке, будто бы случившейся в подъезде. И спрашивал, не слышали ли мои родители шума и никто ли к нам не заходил. Когда родители упомянули о голландцах, милиционер в штатском энтузиастически вздохнул.

После его визита родители долго перешептывались, будучи явно расстроеными. Я поняла только, что в последующий раз им будет, конечно, неудобно отказывать Н. Я., но и вступать в диалог с представителями органов им более не хотелось. Папа был в высшей степени порядочным человеком, но лезть на рожон попусту не любил.

Однажды всё же я была свидетелем того, как он отказался принять дома одного американского журналиста, которому Н. Я. дала его телефон. Отец сослался, кажется, на боль в ноге. А поскольку после полученного во время войны ранения нога у него болела постоянно, в этом даже не было никакой лжи. Только бывают странные сближенья…

Лет пять назад, в Париже, меня пригласили в одну компанию. Во внутреннем дворике дома, где жили мои знакомые, я столкнулась с пожилой парой с букетом цветов. Они явно направлялись в ту же квартиру, что и я. Пара оказалась осевшими в Париже американцами. Узнав, что я русская, они оживились, а муж рассказал, как в середине 1960-х гг. был аккредитован в Москве одним из нью-йоркских журналов. Попутно выяснилось, что он хорошо был знаком с Н. Я. А потом рассказал, узнав, что детство я провела в Пскове, что он туда с женой тоже ездил. И что Н. Я. дала ему адрес одного местного профессора, с которым очень советовала подружиться. Но что-то случилось, и знакомство не состоялось…

Другим частым знаком внимания от Н. Я. были подарки. Когда она начала получать гонорары из-за границы, выражавшиеся в возможности покупать дефицитные вещи в “Березке”, она, как только мама появлялась у нее, тащила ее в магазин – чтобы сделать приятное “домочадцам”. Так появился у меня голубой мохеровый свитер – вещь необычная и по тем временным, и по нынешним и который до сих пор лежит у меня в шкафу. А у моей бабушки Ксении Игнатьевны (Фисенко), к которой Н. Я. относилась особенно трепетно (та тоже потеряла мужа, неизвестно где похороненного, тоже прошла через тяготы если не ссылки, то голодной оккупации в Таганроге), – два больших мохеровых шарфа. Папе же достался черный шерстяной кардиган, получивший в домашнем быту название “мандельштамовка”.

В начале 1970-х гг. был период (продолжался он, кажется, года два или три), когда Н. Я. стала приезжать на лето в Псков. Останавливалась она тогда в Любятово – на окраине Пскова, у отца Сергея Желудкова. Отец Сергей был к тому времени уже отлучен от церкви – за несогласие с официальной ее политикой. На Западе его знали как редкого и оригинального богослова⁵⁸⁰. Отец по вечерам слушал иногда “по тому радио” отрывки из его книги “Почему и я – христианин”. В обыденной же жизни о. Сергий был человеком очень скромным, почти неза-

⁵⁸⁰ Ксения Игнатьевна Фисенко (1894–1990), мать Т. С. Фисенко.

метным. Своего дома отец Сергей не имел и жил в доме своей прихожанки Татьяны Гавриловны Дроздовой, женщины судьбы драматической, что, по-видимому, их и сблизило.

Этот период я помню уже гораздо лучше. Самым ярким событием бывал день приезда Н. Я. Она прилетала из Москвы на самолете. В Псковский, очень сельский по виду, а потому и очень уютный аэропорт мчались в те вечера два такси. В одном – отец Сергей и Татьяна Гавриловна. В другом – мы с мамой и Лина Георгиевна Дюкова (в другой раз была еще и Софья Менделеевна Глускина). Надежда Яковлевна медленно сходила с трапа, а мы все уже бежали ей навстречу с цветами. (Наверное, она всё же приезжала три раза, потому что я помню эти встречи именно как повторяющееся действие.) У отца Сергея глаза при этом как-то по-особому начинали светиться. Впрочем, мне кажется, что светились они у него всегда.

А затем все ехали в любятовский деревенский дом. Вокруг дома был яблоневый сад, казавшийся “Эдема списком сокращенным” (Татьяна Гавриловна зарабатывала себе на жизнь, продавая иногда на рынке яблоки). В доме была фисгармония. Отец Сергей прекрасно играл, а у Татьяны Гавриловны был ангельский голос (впрочем, при характере отнюдь не ангельском). Так что “посиделки” в любятовском доме, и в день приезда, и в остальные дни, начинались с духовных песнопений. Компания была в основном всё та же: Соня, Лина, мои родители и, разумеется, хозяева. Впрочем, вскоре к Н. Я. стал заходить и новый священник Любятовского храма – отец Владимир Попов, и по сей день служащий в этом храме.

О чем они говорили? Конечно, содержания разговоров я не помню. Но помню, что всё, что говорилось, было так высоко, так приподнято над обыденностью, что на следующий день я с большим трудом входила в привычную колею. Так что моя мама, несколько испугавшись, однажды полууверительно заметила: “Но ты же понимаешь, что происходящее *там* и наша остальная жизнь не очень совместимы? И что ты ничего никому не должна рассказывать?” Это-то как раз я понимала...

Впрочем, какие-то обрывки разговоров я всё же помню. Как Н. Я., раздумывая над предложением Софьи Менделевны уехать в Израиль (что С. М. в конечном счете сделала, правда, много позже), сказала, обратившись к моей маме: “А знаете, Танечка, я всё думала, думала об этом, а потом как-то раз проснулась с таким чувством, будто я уже в Израиле и кругом меня одни евреи. И решила, что не надо этого делать”.

Тогда Н. Я. уже закончила работу над первой книгой. Отец Сергей спросил ее о второй. “Она уже тоже написана. Вот здесь”, – сказала Н. Я., указав на область сердца.

И еще почему-то запомнился такой эпизод, неловкий и глупый с моей стороны. Это было летним вечером, в Любятово. Все вышли в сад. Н. Я. сидела на деревянной скамье и, как и полагается, курила. Я неприкаянно бродила по саду. Мне уже было четырнадцать, а может, и пятнадцать лет, но родители меня брали с собой, как “хвостик”. Я уже не была непринужденным младенцем, но, разумеется, еще не стала и “собеседником”, а потому, боясь “упасть в грязь лицом”, в основном внимательно молчала. И вдруг Н. Я. подозвала меня и сказала совсем неожиданно: “Катя, а ты ведь красотка. Только никогда не позволяй мужчинам брать над тобою верх...” И далее что-то в этом роде.

Я никогда себя красоткой не считала, тем более в пятнадцать лет, когда любую нормальную девочку обуревают серьезные сомнения в самодостаточности собственной внешности. И, опешив от слов Н. Я., совсем некстати спросила: “А как же вы и Осип Эмильевич?”

“Я – другое дело. Я была уродиной”, – последовал ответ.

Потом уже, кажется, в первой книге, много позже, когда я прочла размышление Н. Я. о том, что О. Э. непременно бы ее бросил, если бы не случилось то, что с ними обоими случилось, я подумала, что, может, та реплика Н. Я. была продолжением оборвавшейся в книге фразы...

В один из своих поздних приездов в Псков Н. Я. привезла с собой двух своих подруг. Имени одной я, к сожалению, не помню. Запомнилась она в основном тем, что тут же надавала моим маме и бабушке огромное количество рецептов торты и сухарей (последнее – не без значения). Из торты у нас в доме укоренился один, о котором она говорила как о любимом торте Солженицына. А поскольку самого Солженицына она называла “рыженъким”, то и торт получил право гражданства в доме под именем “Рыженъкий”.

Другая подруга была Наталья Евгеньевна Штемпель. Отец, который из-за раненой ноги часто не мог совершать длительных прогулок, послал меня показать им Псков. Я с юношеским ригоризмом провела их по самому длинному, хотя и самому красивому пути – пройдя вдоль Великой до Покровской башни и оттуда, через Мирожский монастырь, через мост, к церкви св. Климента. И когда уже оттуда мы дошли до старообрядческой церкви, она присела. Сказала, что больше не может. Да я и без того видела, что она всё сильнее и сильнее прихрамывала. Но когда она села, печально и как-то почти беспомощно, я вдруг словно впервые увидела ее лицо. Казалось бы, почти некрасивое. Но такое прекрасное! И тогда, наверное, впервые подумала: какой же прекрасной бывает и не очень красивая женщина!

А дома мне за эту длинную прогулку сильно попало.

Кажется, последний приход Надежды Яковлевны к нам домой (а жили мы тогда уже на улице Ленина) закончился трагикомически. Дело в том, что в нашем подъезде проживал пьяница по имени Максимыч, который периодически одолживал у моего отца рубль на выпивку (но и регулярно – в зададим ему должное – долг возвращал). Пьяница этот был, видимо, артистом в душе: все его тирады увенчивались, как правило, аллитерационным “бурржуазия р-революцию пр-редала. Р-рвань”. Бабушка моя, не одобрявшая интеллигентного демократизма отца, гнала Максимыча прочь, за что тот ее побаивался.

Надежда Яковлевна уже уходила. И вышла на лестничную площадку. Я вышла вместе с ней, чтобы проводить до такси. В это время направлявшийся к нашей квартире Максимыч, перепутав, по-видимому, Н. Я. с бабушкой и вначале отпрянув, решил затем всё же пойти на мировую. “Не горюй, бабка, – сказал он, поцеловав Н. Я. в темечко. – Мы ведь с тобой вместе С-сиваси брали”. И еще раз поцеловал.

Родители мои, с ужасом наблюдавшие за сценой и не сумевшие ее предотвратить, страшно огорчились. “Что вы, друзья, – рассмеялась Н. Я. – Ведь это хороший знак. Значит, я к вам еще вернусь”.

И всё же это было последнее посещение Надеждой Яковлевной и Пскова, и нашего дома.

Екатерина Дмитриева-Маймина

10 марта <1964 г., Москва>

Дорогие друзья!

Я в Москве. У Евг. Як. инфаркт, и полдня я провожу в больнице. Писать мне трудно, но вы не забывайте меня. Пишите о себе. Я о вас всегда помню. Н. М.

<Не ранее середины марта 1964 г., Москва>

Дорогие Танюша и Евгений Александрович! Простите, что я долго не писала. Почему-то устаю и мрачна. Бог его знает, почему. Брат уже дома. Даже выходит в садик у себя в доме. На 20 минут. Устает и слаб. В начале июня едет в санаторий.

Как Ксения Игнатьевна⁵⁸¹. Бедная она – это всё очень трудно, и заболела она от непосильной работы и жизни. Кланяйтесь ей от меня. Я ее очень целую. Мне очень хочется в Псков, хотя бы на несколько дней, но пока я связана с Москвой – из-за Жени.

Как сейчас у вас? Куда вы едете летом? Как здоровье Тани? Что еще нового вздумала Катька? Н. М.

Приехала ли Соня?

Напишите скорее.

<На полях:> Решилась ли Кс. Игн. на операцию? Кажется, в этих случаях нужна операция. Напишите.

<Конец сентября – начало октября 1964 г., Таруса>

Дорогой Евгений Александрович! Наконец узнала от Танюши ваш адрес. Напишите мне, как ваша нога, как вы сами... Надеюсь, что сейчас за вас примутся серьезно – это все-таки то место, куда надо было попасть. Таня мне писала, как всё было сложно⁵⁸².

У вас в Пскове была Софья Менделевна и очень хвалила в письме Катьку.

Очень по вас скучаю. У меня груда интересных книг, и хочется вам их показать.

Я приеду в Псков и привезу их.

Очень хвалят повесть Домбровского в “Новом мире” (7–8)⁵⁸³.

Я проделала летнюю кампанию, т. е. дачу... Сейчас одна в Тарусе. Работаю, живу тихо. Не соблазнилась возможностью работать в Москве. Не хочется... Скоро (в конце октября) мне 65 лет. Я это чувствую очень сильно. Здесь у меня лестница в подвалную кухню, где можно устраивать балы... А мне трудно.

Кстати, не надо ли вам будет отдохнуть? Может, у Вас будет отпуск по больничному? Приезжайте ко мне. У меня чудные условия – половина дома... Роскошная комната (две!), тишина и нет гари.

Точно, как у Оттенов – вы ведь были.

Адрес: 1-я Садовая 2...

Целую вас. Надежда Ман<дельштам>.

<Осень 1964 г., Таруса>

Дорогая Танюша! Я была у Жени в среду.

У него посветлевшее лицо, и он ожила.

Лишь бы не спешить с лечением, вытерпеть всю эту канитель и не сорваться с места. Он мне рассказал о всех своих мытарствах. Частично я знала о них из ваших писем. Меня поразило, что все-таки рентгенолог, потребовавший операции, был пришлый, не из больницы.

⁵⁸¹ Имеется в виду повесть “Хранитель древностей”, первая книга дилогии Ю. Домбровского (Новый мир. 1964. № 7).

⁵⁸² Повесть была опубликована в журнале “Простор” в 1964 г.

⁵⁸³ Кафедра русской и зарубежной литературы, на которой работал Е. А. Маймин, была, в силу неординарности и характерности большинства ее членов, постоянным предметом обсуждения и иронических сетований его друзей. Примером тому эпиграмма – правда, чуть более позднего времени, написанная Ю. М. Лотманом как бы от имени Е. А. Маймина: “Как пройти мне биссектрисой / Меж Ларисой и Алисой, / Между Титовной и Верой, / Меж чумою и холерой?” 2 Выставка В. А. Фаворского, организованная главным образом усилиями Е. С. Левитина, состоялась в ГМИИ им. Пушкина в ноябре – декабре 1964 г. С М. В. Юдиной Фаворского связывала тесная дружба. На одной из поздних (1956) гравюр Фаворский изобразил Юдину во время выступления на концерте, на другой – ученики Юдиной исполняют соль-минорный квинтет Шостаковича. 29 декабря 1964 г., когда выставка была еще открыта, В. А. Фаворский умер. Юдина, по воспоминаниям очевидцев, играла и на его похоронах (сообщено Г. Загянской).

Я поняла, как мы с вами сроднились или сдружились, я уже не знаю, как это назвать, когда была у него. Так почувствовалась мне его боль и все ваши метания, когда вы его старались устроить и чем-то ему помочь наперекор лени, тупости и чиновничью равнодушно наших врачей. Дай-то Бог, чтобы всё было хорошо. Держите меня в курсе дел. Меня очень волнует, как он станет на ноги.

Крепко вас целую.

Привет маме. Поцелуйте в носик Катю....

Хотела бы написать сегодня и Соне, но кончились конверты, а на улицу еще не выйти. Напишу завтра...

Главное, что у Жени спокойный взгляд и нет той желтизны кожи, которая была до операции, хотя он столько лежит в больнице. Облегчение явное.

22 декабря <1964 г., Москва>

Дорогой Евгений Александрович! Очень рада первой весточке от вас из дома, где вы с семьей и на месте <нрзб>. После всего, что вы пережили, конечно, сразу нельзя оправиться. Хорошо, что вы посидите месяц дома. Кончается ли уже этот месяц?

Как Таня? Ей тоже пришлось туда. Как вы, Танюша? Как ваша дивная кафедра, заседания и старания?⁵⁸⁴ Не огорчайтесь ничему и радуйтесь, что Евг. Александрович дома... Как мама? Катыка? Она уже, наверное, ужасно взрослая дама.

Я досиживаю последние дни в Москве – в воскресенье (сегодня вторник) еду на 3 месяца в Тарусу. А в апреле опять в Москву, а там спишемся и я приеду к вам.

Что-то мне отдохняется от всех трудов праведных, которые я кончила...

В Москве было шумно, а теперь стало потише... У нас здесь “культурное мероприятие” – выставка Фаворского⁵⁸⁵ и сегодня в его честь концерт Юдиной и Шостаковича, а еще выставки Кузнецова и Чекрыгина⁵⁸⁶ (обе – событие).

Постарайтесь достать алма-атинский журнал “Простор” (№ 9); там напечатана повесть “Джан” Платонова⁵⁸⁷. Прочтите! Они хотят напечатать подборку О. М...⁵⁸⁸

А о книге – ничего...

Целую вас всех... Н. М... “гранитная” – и еще что-то...

<Февраль 1965 г., Таруса>

Дорогие Танечка и Евгений Александрович!

Весна приближается, и я уже предвкушаю Псков, разговоры, сбивалку, соломинку и стояние у балкона с видом на Великую.

Я, правда, сроднилась с вами. Беспокоюсь, когда нет писем, и хочу вас видеть.

Вы не пишете, как нога, как общее состояние. Одно слово “болит” для меня мало.

Приехала ли Ксения Игнатьевна?

Как растет Катыка?

⁵⁸⁴ Выставки Павла Варфоломеевича Кузнецова (1878–1968) и Василия Николаевича Чекрыгина (1897–1922) состоялись в декабре 1964 г. соответственно в Доме художника на Кузнецком мосту и в Музее В. В. Маяковского. В частности, на трехдневной выставке Чекрыгина экспонировалось 130 работ художника (сообщено Г. Суперфином; см. также: Точеный О. Выставка работ В. Н. Чекрыгина // Знамя (Калуга). 1965. № 3).

⁵⁸⁵ Имеется в виду первое издание кн.: Выготский Л. С. *Психология искусства*. М.: Искусство, 1965.

⁵⁸⁶ Речь идет о первом вечере Мандельштама на межмате МГУ 13 мая 1965 г. (см. наст. издание, с. 332–343).

⁵⁸⁷ Румнев Александр Александрович (наст. фамилия Зякин; 1899–1965) – в 1920–1933 гг. актер труппы Московского Камерного театра, в 1962–1964 гг. руководил Театром-студией пантомимы. Умер 12 октября 1965 г.

⁵⁸⁸ Вышла в № 5 за 1965 г.

Хорошо сделали, что не поехали в Ленинград. Там грипп здорово разбушевался.
Кто у вас бывает?

Целую вас обоих и Катьку. Н. М. До конца марта я в Тарусе.

<После 13 мая 1965 г., Таруса>

Милые!

Я совершенно замучилась.

Сама не знаю, что со мной.

Был вечер О. М. в МГУ на мхмате – по первому классу⁵⁸⁹.

В журнале “Простор” (Алма-Ата) огромная подборка стихов. Н. М.

Где Соня? Если в Ленинграде – как ее адрес.

<На полях:> Как Ксения Игнатьевна?

6 июля <1965 г., Таруса>

Милые друзья!

Еще записочка о том, что я по вас скучаю и с удовольствием вспоминаю славные дни в Пскове.

Целую Танюшу...

Привет Лине...

Евг. Александрович, вышла очень интересная книга Л. С. Выготского “Психология искусства”...⁵⁹⁰ Ищите ее. Н. М.

Получили ли вы записочку для Леоновой⁵⁹¹?

22 сентября <1965 г., Москва>

Дорогие друзья!

Я расквасилась – приступ язвы – очень тяжелый. Болезнь эта, как вы знаете, нервная. Вот и не писала...

Очень бы хотела вас видеть. Сейчас я в Москве. Жду квартиры. Целую. Н. М.

<после 12 октября 1965 г., Москва>

Дорогие Танечка и Евгений Александрович!

Получила ваше письмо. Бедная Катька⁵⁹² – уже служит! Наш Никита самый занятый человек в мире: он в седьмом классе математической школы. Задачи решает ему весь дом да еще два доктора математических наук.

Я очень болела. Язвой – нервная болезнь, схватившая меня, когда я вернулась с дачи. Естественно. Было и есть от чего. А сейчас умер один дорогой мне человек – А. А. Румнев⁵⁹³. Единственный актер, с которым мы дружили и притом всю жизнь.

Вышла книжка Анны Андреевны.

⁵⁸⁹ Осенью 1965 г. Катя Маймина пошла в первый класс.

⁵⁹⁰ А. А. Ахматова умерла 5 марта 1966 г.

⁵⁹¹ Неустановленное лицо.

⁵⁹² Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987) – профессор Ленинградского университета.

⁵⁹³ Куличи, которые пекла моя бабушка (К. И. Фисенко), имели “высокий рейтинг” среди знакомых и друзей, которых она любила ими одаривать.

Достать нельзя. Лучшая из всех.
Пишите. Н. М.
Всех целую. Особенно Ксению Игнатьевну.
Привет Лине.

<после 22 октября 1965 г., Москва>

Милые мои друзья! Я обезумела от новой квартиры, но реальности ее я еще не ощущаю...
хоть бы вы навестили меня... Хорошо?

Мой адрес: Москва М – 447
Большая Черемушкинская № 50
корп. 1 кв. 4. Н. М.

<Ноябрь – декабрь 1965 г., Москва>

Что вы меня забыли?
Вспомните!
Что у вас? Благополучно ли?
Мой адрес: Москва М – 447
Большая Черемушкинская № 50 корп. 1 кв. 4. Н. М.
Целую всех.

<Конец декабря 1965 г., Москва>

С Новым годом!
Дорогие друзья!
Я вам не пишу, потому что совершенно сломана от усталости малого стиля. Валюсь, сплю. Ничего не делаю. И ничего делать не буду. Не забывайте меня.
Хоть бы кто-нибудь из вас приехал в Москву!
Таню зову в Москву, ей пора.
Всех целую. Всем привет...
Как Лина? Ей отдельный привет. Н. М.
Основное занятие – убираю квартиру. Гости сидят у меня на кухне. Она большая.

<После 5 марта 1966 г., Москва>

Милые Танюша и Евгений Александрович!
Я вас не забыла и забывать не собираюсь, как вы говорили с Максимовым⁵⁹⁴.... Я еще не могу приспособиться к новой жизни без Анны Андреевны⁵⁹⁵ – ведь с ней я прожила всю жизнь. Приезд Лины доставил мне большое удовольствие. Она отличный человек и умница. Будете ли вы когда-нибудь в Москве?
Целую всех. Н. М.

<Лето 1966 г., Верея>

Милые Танюша и Евгений Александрович... Пишу на всякий случай.

⁵⁹⁴ «Разговор о Данте» вышел в издательстве «Искусство» в мае 1967 г.

⁵⁹⁵ 1965 год. Первый вечер Осипа Мандельштама: Из архива Варлама Шаламова / Публ. И. П. Сиротинской // Границы. 2003. № 205–206. С. 65.

Боюсь, что вы уже уехали.

Я опять в Верее. Адрес старый: Верея Нарофоминского, 1-я Спартаковская, 20, Шевелевым, для меня.

В Москве было столько народу, что я не успела даже охнуть. И сейчас, боюсь, будут нашествия. Поэтому задержалась с ответом. Надеюсь, что осенью вы ухитритесь и приедете ко мне.

Целую вас обоих. Н. М.

Привет – Лине и Ларисе.

29 ноября <1966? г., Москва>

Милые мои маймишата и Ксения Игнатьевна!

Шаламыч до сих пор вспоминает о вас с дикой своей улыбкой – выгибает руки, подпрыгивает и кричит, что поедет в Псков.

Не забывайте и вы меня, хоть я и стала старой собакой и лежу на печке. Н. М.

Если Соня или кто поедет, скажите Лине, чтоб послала книги. Как она? Пощелуйте ее.

<На полях:> В четверг вечер О. М. в Пединституте. Боже, как я не хочу идти.

<Весна 1967 г., Москва>

Милые Женя и Танюша!

Спасибо за доброе письмо. Я сижу и маниакально работаю. Это всегда у меня так – сначала целое, а потом все части. Трудно на старости лет. Пора на печку.

Что еще? Да ничего. Приехали из санатория брат и невестка. Скоро поедем в Вереву на дачу. Мне не очень хочется, но надо. Их одних нельзя оставить. Здесь ничего нового, хотя что-то всё же есть. Так в стакане воды бурлит и пенится сода.

“Разговор о Данте” еще не вышел⁵⁹⁶. Тираж лежит. Мальчишки у магазинов уже слегка торгают книжкой. Смешно!

Жаль, что нельзя увидеться еще раз. Как нога? Смотрите, не болейте... Куда вы едете летом?

Привет Ксении Игнатьевне.

Признались ли вы ей, что забыли кулич⁵⁹⁷?

Целую вас. Над. Ман. Лине привет.

<Осень 1976 г., Москва>

Дорогие Таня и Женя! Спасибо за милую посылку. Особенно потрясла меня банка с вареньем. За это особое спасибо Ксении Игнатьевне. Это ее работа. И Катина – собирала-то ягоды она. Это какой-то необыкновенно дружеский акт. Спасибо, спасибо...

Я “активизируюсь”, т. е. сплю одна (всё время дежурили), сижу одна, выхожу гулять (возле дома) одна... Восторг!

Врачи еще подозрительно смотрят на меня, но мне уже плевать. Гуляю от скамейки к скамейке. Трудно. С палкой. Для 77 лет не так плохо.

Приезжайте. Очень хочу вас видеть. Привозите Катю. Целую крепко. Ваша Н. М.

Привет всем – Соне. Лине в особенности.

⁵⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 3225. Л. 1.

⁵⁹⁷ Там же.